

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 291

В. Г. Богораз о религии и большевизме**М. М. Шахнович*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Шахнович М. М.* В. Г. Богораз о религии и большевизме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 3. С. 441–453. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.311>

В 2017 г. вышла новая книга Ю. Слезкина «Дом правительства. Сага о русской революции», в которой, используя материал нескольких семейных историй советских партийных и государственных деятелей 1920–1930-х годов, американский профессор стремится доказать, что марксизм и его российский извод в форме большевизма представляли собой религиозное сотериологическое учение, которому была свойственна актуальная эсхатология и ожидание немедленного спасения. Он считает, что марксизм как идеология и большевизм как его практическая реализация имеют черты, характерные для нового религиозного движения хилиастического типа: наличие харизматического лидера и сплочение вокруг него, членство на основе личного обращения, ненависть к окружающему миру, погрязшему в пороках, культ жертвенности и т. п. Автор представленной статьи считает, что эта точка зрения отнюдь не нова и существовала еще в начале XX в. В статье показывается, что еще революционеры-демократы сближали евангельское и революционное учения. Однако их в Новом Завете интересовали не хилиастические чаяния, а обличение власти имущих, разоблачение несправедливости и беззакония, защита бедных и угнетенных, жертвенность во имя преодоления страдания других. В статье кратко рассматриваются позиции разных деятелей российской социал-демократии по поводу сопряжения христианства и социализма. В статье показывается, что известный этнограф и историк религии В. Г. Богораз (Тан), активно участвовавший в русском революционном движении, не только использовал переосмысленные новозаветные образы и идеи в своем литературном творчестве, но и рассматривал проблему соотношения большевизма и религии в политическом и историко-софском аспектах. Автор показывает, что можно говорить об определенном сходстве в некоторых оценках большевизма как религиозного учения у В. Г. Богораз и Н. А. Бер-

* Подготовлено при поддержке гранта РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX в.».

дяева. В заключение приводится текст статьи Богораза (Тана) «Большевизм как религия» с комментариями.

Ключевые слова: религия, христианство, социализм, большевизм, В. Г. Богораз.

В 2017 г. вышла новая книга американского профессора Юрия Слезкина, известного своими весьма неоднозначными работами, посвященными коренным народам Севера и «еврейскому фактору» в истории цивилизации. Эта книга, которая называется «Дом правительства. Сага о русской революции» [1], была дважды презентована в Москве: один раз — в Высшей школе экономики, а второй — на конференции «Религия и русская революция» (РАНХиГС, 26–28 октября 2017 г.), в ближайшее время ожидается ее публикация на русском языке. В ней, используя материал нескольких семейных историй советских партийных и государственных деятелей 1920–1930-х гг., Слезкин стремится доказать, что марксизм и его российский извод в форме большевизма представляли собой религиозное сотериологическое учение, которому свойственны актуальная эсхатология и ожидание немедленного спасения, так как главной идеей религиозных милленаристских движений является представление о том, что с несправедливостью в мире и со страданиями людей можно покончить при жизни одного поколения. Он полагает, что учение, которое разделяла небольшая группа «проповедников», т. е. большевистских лидеров, сродни не только христианскому учению о «периоде торжества правды Божьей на земле», но и растафарианству, мормонству, представлениям участников Тайпинского восстания в Китае в середине XIX в., идеям проповедника Джима Джонса, основателя религиозного движения «Храм народов», адепты которого в 1978 г. в Гайане совершили акт массового самоубийства, и т. п.

Слезкин считает, что марксизм как идеология и большевизм как его практическая реализация имеют черты, характерные для нового религиозного движения хилиастического типа, а именно: наличие харизматического лидера и сплочение вокруг него, членство на основе личного обращения, ненависть к окружающему миру, погрязшему в пороках, культ жертвенности и т. д. В самом начале огромной книги, которую автор сам сравнивает (вероятно, по глубине и содержательности) с «Войной и миром» Толстого, Слезкин заявляет, что большевики были сектантами-милленаристами, готовящимися к Апокалипсису. Недолгую политическую карьеру и трагическую гибель большевиков, живших в знаменитом Доме правительства («Доме на набережной»), он описывает в категориях «ложного пророчества», «великого разочарования», «последней жертвы». По его мнению, утрата вождя и следующая за этим рутинизация харизмы привели к переосмыслению пророческих ожиданий, осознанию необходимости отсрочки «счастливого будущего» и краху «новой религии» при втором поколении ее адептов.

Интересно, что автор книги, похоже, глубоко убежден, что он первый сравнивает коммунизм с религией, хотя даже в последнее десятилетие вышло немало сочинений, в которых это сопоставление рассматривалось достаточно подробно [2–5], не говоря уже о классических трудах, написанных русскими философами, и прежде всего Н. А. Бердяевым. В своей последней незавершенной книге «Царство Духа и царство кесаря» Бердяев писал: «Марксизм как религия есть секуляризованная форма идеи предопределения. Псевдорелигиозный характер носит также разделение истории на две части. До социалистической или коммунистической револю-

ции есть лишь введение в историю, после нее только — начало настоящей истории. В основании марксистской религии лежит секуляризованный, неосознанный хилиазм. Вне этого весь пафос марксизма лишен всякого смысла» [6, с. 340]. Бердяев видел в коммунистическом учении элементы религиозной веры, связанной эсхатологическим ощущением гибели старого мира и рождения нового, доступного лишь посвященным, которым уготован «земной рай».

Известно, что революционеры-демократы сближали евангельское и революционное учение. Однако их в Новом Завете интересовали не хилиастические чаяния, а обличение власть имущих, разоблачение несправедливости и беззакония, защита слабых, бедных и угнетенных, жертвенность во имя преодоления страдания других. Так, И. А. Худяков в брошюре «Слово св. Игнатия для истинных христиан» (Женева, 1865), предназначенной для революционной пропаганды, собрал цитаты из Священного Писания, которые, по его мнению, могли быть использованы для критики царской власти и православной церкви. В. Н. Фигнер рассказывала в своих мемуарах, что она была с юности совершенно равнодушна ко всем церковным установлениям и, как человек, получивший естественно-научное образование, имела материалистическое миропонимание, однако была вдохновлена христианскими идеалами аскетизма и подвижничества: «Иисус удовлетворял нравственное чувство, давал в Евангелии наибольшее количество когда-либо полученных этических идей, учил, что самопожертвование есть высшее, к чему способен человек» [7, с. 98]. Фигнер писала, что такое увлечение было не только у нее, что Нагорная проповедь обсуждалась в народнических кружках. Нередко сами народники или некоторые представители рабочего движения в конце 1880-х годов отождествляли себя с первохристианами. Об этом писал в 1911 г. в журнале «Голос минувшего» В. В. Берви-Флеровский: «У меня постоянно было на уме сравнение между готовившейся к действию молодежью и первыми христианами» (цит. по: [8, с. 361]).

В журнале «Литературное наследство» с предисловием профессионального революционера и историка В. И. Невского и послесловием архивиста и историка С. Н. Валка были напечатаны отдельные материалы из выходившего в Ростове в 1882–1883 гг. журнала «Рабочий», который на гектографе печатали рабочие-народовольцы. В предисловии В. И. Невский привел очень интересную цитату из не вошедшей в публикацию «Литературного наследства» анонимной статьи из этого журнала под названием «Очерки истории русского народа». Говоря о проникновении христианства на Русь, неизвестный нам автор-народовец указывает: «Эта вера называется христианской, но она вовсе не то, чему учил Иисус Христос. Христос учил всех жить между собой как хорошие братья, любить ближнего как самого себя. Он не признавал ни богатых, ни бедных — все для него были равны. Он отвергал всякую власть человека над человеком, всякое насилие. Православие же, т. е. православные попы и монахи, говорили, чтобы народ покорился князьям, они говорили народу, что князь самим богом поставлен» [9, с. 77].

Даже в отчеты обер-прокурора Святейшего Синода попала информация о том, что критики царствующего режима используют христианские идеи: «Чтобы добиться большего успеха и не отпугнуть людей простых и верующих, социалисты указывали на тождество или, по крайней мере, большое сходство между идеями христианства и социализма, они проповедовали, что Христос и апостолы были социалисты, равно как и первая община христиан создавалась на социали-

стических началах» [10, с. 49]. Важно иметь в виду, что соединение социализма и религии в равной степени отрицали как церковные иерархи, так и лидеры российской марксистской социал-демократии. С одной стороны, митрополит Филарет (Дроздов) отмечал, что «истинно разумеющие Евангелие никогда не находили и не найдут в нем демократического учения» [11, с. 64]. С другой — известна критика попыток придания христианству социалистических черт, предпринятая Г. В. Плехановым в работе «О так называемых религиозных исканиях в России». Хотя Ленин и признавал вслед за Энгельсом наличие «демократически-революционного духа» в первоначальном христианстве [12, с. 43], всяческое «заигрывание с боженькой» вызывало у него резко негативную реакцию. Например, в статье «Л. Н. Толстой и его эпоха» (1911), критикуя христианский социализм, Ленин напоминал, что в «Коммунистическом манифесте» он именуется «поповским социализмом, идущим рука об руку с феодальным». Основоположники марксизма писали: «Нет ничего легче, как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок. Разве христианство не ратовало тоже против частной собственности, против брака, против государства? Разве оно не проповедовало вместо этого благотворительность и нищенство, безбрачие и умерщвление плоти, монастырскую жизнь и церковь? Христианский социализм — это лишь святая вода, которую покрывает озлобление аристократа» [13, с. 449].

Тем не менее представление о возможности соединения социализма и христианства, двух идеологий, выражающих стремление к переустройству мира, полного несправедливости и страданий, вплоть до Февральской революции оставалось очень созвучно взглядам левой интеллигенции от А. В. Луначарского и А. М. Горького до В. Г. Богораза-Тана. Если книги «Религия и социализм» (1908–1911) А. В. Луначарского или «Исповедь» М. Горького достаточно хорошо известны, то мало кто знает о том, что в 1906 г. В. Г. Богораз написал небольшой рассказ — «фантазию» — о втором пришествии Христа. Период 1905–1907 гг. в жизни Богораза был невероятно бурным, он не столько занимался описаниями и разбором собранных им же в этнографических экспедициях материалов, сколько активно участвовал в революции и как журналист, и как общественный деятель. Он был членом Центрального Московского забастовочного комитета, участвовал в создании Крестьянского союза, Народно-социалистической партии [14, с. 75–130], написал огромное количество очерков и репортажей, в том числе и из Государственной думы. В эти годы Богораз сочинил много стихотворений (некоторые из них стали революционными песнями), опубликовал повести «На тракту» и «Дни свободы», памфлеты «Опять на родине» и «Сон тайного советника» и два фантастических рассказа: «Легенда о счастливом острове» и «Христос на земле». В первом описываются утопические представления, якобы бытовавшие у римских рабов в эпоху Марка Аврелия (любопытно, что Богораз использует в этом рассказе материал, касающийся знаменитой карикатуры на христиан с надписью «Алексамен поклоняется своему богу»). Для второго рассказа — «Христос на земле. Фантазия» (1906) — в качестве эпиграфа использована следующая фраза: «“Если бы Христос снова пришел на землю, быть может, я был бы вынужден арестовать его” (слова Полтавского губернатора)» [15, с. 3]. В рассказе описывается, как Христос, явившись на землю в образе человека, снова подвергается бичеванию, а затем, восстав, летит в город, где измучен-

ные страданиями и несчастьями люди влачат ужасное существование. Он видит тускло сияющие во мгле златоглавые храмы, украшенные множеством крестов, «но сын человеческий пролетел мимо и не признал их своими» [15, с. 5]. Он долетает до тюрьмы и обращается к узникам со следующими словами: «Я защитник и товарищ всех бедных и угнетенных... Время обновления уже близко... День Страшного Суда готов пройти над этой страной, ибо владыки ея созрели и перезрели, как осенние хлеба, и беззакония их, как спелые зерна осыплются на землю. Владетели этой страны, как поздние плоды, засохшие на ветках. Их стебли тверды и ломки. Дыханье бури сломит их и сбросит вниз. Тогда рассеются насильники и разбегутся во все стороны проливатели крови, и острое меча пройдет над ними, и будут тщетны плач и скрежет зубовой. Ибо сеющий ветер пожнет бурю...» [15, с. 8]. В художественном отношении это не самый удачный рассказ Богораза, но идейные моменты в нем обозначены очень четко: существующая церковь не является церковью Христа, а его второе пришествие вновь приводит его к трагической смерти — только не на кресте, а под бичами надсмотрщиков. Любопытно, что атеист Богораз обращается к образу Христа как защитника угнетенных.

В последних числах 1917-го и в самом начале 1918 г. Богораз пишет уже не рассказ, а острую публицистическую статью «Большевизм как религия», в которой обращается вновь к теме сопряжения религии (христианства) и социализма. Статья вышла под псевдонимом Тан, который Богораз использовал в своих литературных и публицистических публикациях, 3 января 1918 г., за три дня до разгона Учредительного собрания, в газете «Петербургское эхо»¹. Эту газету издавал один из двух знаменитых братьев журналистов Бразуль-Брушковских — петербургский журналист Дмитрий Иванович Бразуль-Брушковский. Его брат, живший в Киеве, прославился на всю Россию разоблачительными публикациями по делу Бейлиса, сыгравшими важную роль в оправдании последнего. В Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук, помимо газетного оригинала [16], есть черновик этой статьи Тана, в которой сохранились полностью те фрагменты, которые были вычеркнуты в последний момент перед публикацией в газете, но именно они представляют значительный интерес в контексте рассматриваемого нами вопроса. В этих изъятых из газетного текста фрагментах Богораз писал, что социализм и христианство — два родных брата. Создательницей новой религии — социализма — была интеллигенция, народ с восторгом принял эту новую веру, изменив ее в соответствии со своим пониманием. Религиозная форма социализма, доступная широким массам, — это большевизм. Подобно тому как христианство разрушило Рим, социализм в той форме, в которой он пришел к власти, по мнению Богораза, разрушает Россию. Он предвидит Гражданскую войну и цивилизационную катастрофу.

Когда в начале 1990 г. стало широко доступно репринтное воспроизведение парижского издания книги Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» (1955), более всего автора этой статьи поразило в ней описание большевизма: «Большевизм воспользовался всем для своего торжества... Он воспользовался объективной невозможностью дальше вести войну, и он провозгласил мир... Он воспользовался свойствами русской души... ее религиозностью, ее догматизмом

¹ Газета была закрыта большевиками после известного постановления Совнаркома от 18 марта 1918 г. о закрытии «буржуазных газет».

и максимализмом, ее исканием социальной правды и царства Божьего на земле, ее способностью к жертвам и к терпеливому несению страданий, но также к проявлениям грубости и жестокости, воспользовался русским мессианизмом, всегда остающимся, хотя бы в бессознательной форме, русской верой в особые пути России. Он воспользовался историческим расколом между народом и культурным слоем, народным недоверием к интеллигенции и с легкостью разгромил интеллигенцию, ему не подчинившуюся...» [17, с. 115]. Спустя почти тридцать лет, когда это описание стало для российского читателя хрестоматийным, нельзя не удивиться определенному сходству в оценке большевизма, которую Бердяев дал в 1933–1937 гг., а Богораз — в 1918-м.

В. Г. Тан (Богораз). Большевизм как религия²

Скажу откровенно и прямо: я бывший оборонец³, бывший интеллигент, бывший буржуйный наемник (ведь все это теперь отменено), тоже готов уверовать вместе с другими большевистскому Богу. Как обращенный язычник, я готов поклоняться этому новому коллективному большевистскому Христу.

Мучительно ищу его, но не могу найти.

Вот словно нашел и даже за хвост ухватил, но он ускользает от меня, как будто намыленный.

Я понимаю, конечно: окончена война. Мы, оборонцы, уже политически умерли. И те, которые еще ходят и пищат, ведь это живые покойники.

Вместо войны надо вести теперь разговоры о мире, отныне неизбежные. Твердость Карахана и Троцкого — это наша последняя надежда, надежда национальная.

Я изумлялся сперва, когда Каменев стучал кулаком по брестскому столу⁴. Под носом у генерала Гофмана⁵, и каюсь, даже спрашивал: — А как он стучал, — может быть, сидит под столом и тукает в доску с обратной стороны или как-нибудь сбоку, как на спиритическом сеансе.

Но теперь я привык и тоже осмелел и стучу: — Не слушаю, под суд, под суд!

Будем судить Вильгельма и прочих империалистов!

Вслед за президентом Вильсоном и английскими газетами меня восхищает мужество Троцкого и его непримиримая грядущая революционная война.

Правда, вчера солдатик, приехавший с фронта, — приехавший на буфере, верхом, по-своему рассказывал мне: «Требовал немец по тысяче рублей с головы».

— Ужели заплатим? — спросил я осторожно.

— Хватит у буржуев, — сказал он раздумчиво.

² [16]. Фрагменты, выделенные в квадратных скобках курсивом, не вошли в окончательную редакцию. Они даются по черновому рукописному автографу: [18].

³ В 1914 г. В. Г. Богораз добровольцем отправился на фронт, хотя ему было уже 50 лет. Был начальником санитарного поезда, участвовал в военных действиях. В начале 1917 г. Богораз стал так называемым революционным оборонцем, т. е. поддерживал Временное правительство, желавшее продолжения войны для защиты Отечества.

⁴ Речь идет о втором составе советской делегации на мирной конференции, открывшейся в Брест-Литовске 22 декабря 1917 г., в которую входили Л. М. Карахан, Л. Д. Троцкий (министр иностранных дел), Л. Д. Каменев и др. Договор был подписан 3 марта 1918 г. делегацией, возглавляемой Г. Я. Сокольниковым.

⁵ Генерал Макс Гофман, участвовавший в переговорах в Брест-Литовске с немецкой стороны.

Впрочем, — какими деньгами... Если бумажными керенками, то, пожалуй, не дорого...

Десять месяцев минуло от начала революции. За десять месяцев многому научишься, даже нехотя.

Надо, наконец, признаться, и, пожалуй, покаяться (хоть каяться собственно не в чем), мы, оборонцы, и все социал-патриоты, и даже вся вообще российская интеллигенция, не сумели понять, какая у нас революция.

Мы воображали, безумцы, что русская революция — это революция политически-национальная, вроде Великой французской революции, во имя обновленного отечества.

Помните начало марсельезы:

— Allons, enfants, de la patrie!⁶

Звуки марсельезы прокатились по целой Европе, а в начале XX века зажгли, наконец и Восток, ближний и дальний, Турцию, Персию, Китай.

И мы воображали, что русская революция — это последняя из серии, самая последняя и самая великая из всех. По всей Европе, по всему цивилизованному миру, несмотря на войну, прошел единодушный вздох облегчения — пала последняя твердыня деспотизма, обрушился престол московитского самодержавия.

[Ненужная интеллигенция, вымиравший класс, вроде птеродактиля... Голос живой загробный опять спросил: Где твоя религия? Ты, интеллигенция, искони была носителем религии. В мире воцарилась религия, рожденная тобой. Любуясь: твой идеал стал жизнью.

Социализм или христианство? Социализм и христианство два родных брата. ... Социализм разрушает Россию. Христианство разрушило Рим... [18, л. 1].

Для нас, интеллигенции, лозунгом, как помните, была борьба против так называемой измены российского двора российскому отечеству. И мы, социал-патриоты и даже социал-пораженцы, приняли революцию как право отказаться наконец-то от этого постылого и противоестественного пораженчества.

Наше старое отечество — тюрьма, православно-полицейская, канула в вечность.

Нам подарили игрушку, отечество, новое с игопочки, новенькую республику, только отчеканенную, правда, республику-керенку, но эта республика-керенка шуршит такой шелковистой бумагой. У нас было собственное отечество, собственная *grande nation*⁷, не хуже, чем у всех просвещенных народов. У нас было, что оборонять. Мы стали оборонцами.

И вдруг оказалось, что мы ошиблись, что мы не поняли российской революции.

Российская революция — это не революция политически-национальная, это революция другого типа, тоже исстари знакомого земному человечеству, это революция социальная, и еще глубже, религиозная.

Пожалуй, с непривычки покажется смешно: какая уж тут религиозность, скорее антирелигиозность, пожалуй, антиправославие. Но антиправославие движется все в той же религиозной плоскости.

Рядом с интеллигенцией и всей грамотной Россией оказалась еще и другая Россия, малограмотная и просто безграмотная, неизмеримо более обширная, — та

⁶ Вперед, сыны отчизны! (фр.)

⁷ Великая нация (фр.).

России, которая еще не жила политически, которая довольствовалась ветхой традиционной формулой:

«Царь-батюшка, Русь-матушка,
А больше ничего»⁸.

К третьему году войны эта бездарная формула разлетелась в клочья и заменилась стихийным слепым пораженчеством масс. «Нам и под немцем хуже не будет». Действительно, хуже того, что было, не будет никогда, не будет и под немцем.

[Сумерки Европы. Апокалипсис Европы. Эта война никогда и никак не окончится. ... Как закончить войну? Разгромом Германии? Германия — сердце Европы, великое и злое. Закончить войну революцией? Гражданская война — завершение войны международной.]

Ненависть на ненависть не рождает любви. Разрушение не даст творчества.... Россия под вопросом. Вероятно, Россия воскреснет, хоть и не стоит того. Сумерки духа. Цивилизация покатится с горы. Иссякнет наука. Одичает могучая техника. Запустеют одинаково и святые Афины — Париж, и дикая Спарта — Берлин. Бывшая великая Россия станет как большая деревня [18, л. 2].

Революцию и новое учение эта безграмотная масса восприняла исключительно и всецело, как учение религиозное. Впрочем, ей не был доступен никакой другой метод восприятия, кроме религиозного.

Вместе с революцией народная масса не отказалась от своего темного, слепого пораженчества, но она просветила его и нашла ему высшее оправдание в этом новом религиозном учении.

Религиозная революция по существу универсальная. Она не имеет национальности, враждебная отечеству. «Пролетарии не имеют отечества»⁹.

Но также и для христианства, несть ни элина, ни иудея, но всяческая и все во Христе.

И вот перед нами новая религия российского народа, вместо христианства, вместо православия, отмененного ныне, — всероссийский большевизм.

Большевизм — это религиозная форма социализма, доступная широким массам — в виде посылки уступки тем, кто с утра и до вечера вопит о всеобщем хулиганстве и всеобщей развращенности огромного российского народа.

Для грамотной России социализм — это политико-экономическая доктрина.

Для безграмотной России социализм — это религия, это большевизм. Недаром Луначарский так много говорит о Боге¹⁰, о том, «чем было и чем стало христианство».

[Большевизм — это социализм толпы, народное издание социализма. Другого социализма мы не видели на практике и, должно быть, не увидим. Большевизм искреннее умеренного социализма. Умеренный социализм — это ходячая нелепость, деревянное железо, постепенность в революции. Большевизм соблазнил человечество. Он обещает все и ничего не требует] [18, л. 3].

Сравнение с ранним христианством, революционным и антигосударственным, невольно напрашивается, правда, не столько в его положительных, сколько в его отрицательных, отрицающих сторонах.

⁸ Чуть искаженная цитата из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: «Русь-матушка! царь-батюшка!» И больше ничего!» [19, с. 90].

⁹ Цитата из «Манифеста коммунистической партии»: «Рабочие не имеют отечества» [13, с. 444].

¹⁰ См.: [20].

«Бунт большевизма, восстание против имущих, точно такой же, как бунт христианства».

«Легче верблюду пройти сквозь угольное ушко, чем богатому (буржу) войти в царство пролетарское».

Это одновременно притча Христа и парабола Ленина.

Религия по существу абсолютна. Она обладает абсолютной истиной. Религиозное движение не знает терпимости, особенно движение, долго гонимое и наконец восторжествовавшее. Дух христианско-монашеских масс, растерзавших прекрасную Ипатию, воскрес при большевизме.

Религия по существу максималистична. Она требует всего человека, всей человеческой души, полного царствия небесного, без всяких оговорок, без всяких полумер. Ей чужда постепенность, эта странная теория «постепенной революции», которая преобладает в так называемом научном социализме. Она не нуждается в научных доказательствах.

Credo quia absurdum.

«Верую, потому что нелепо».

Таков принцип всякой религии, и в частности принцип большевизма.

В одном большевизм отличается от прочих религий, раньше существовавших и ныне отмененных.

Царство Божие, святая святых прочих религий и верований, это — царство небесное, святыня, и реальная имматериальная, она требует жертв от своих адептов и ревнителей и этими жертвами держится.

Чем больше пожертвовал, тем больше держусь за то, что пожертвовал.

— Господу все отдаю, — таков лозунг великих ревнителей.

— Ставлю Богу моему свечку, — таково минимальное требование от рядовой толпы.

В отличие от этого, большевизм не требует жертв, не требует даже маленькой свечки. Напротив, он сам обещает своим верующим освещение, отопление, бесплатную квартиру, перманентную безработицу при утроенном окладе — одним словом, ту самую «легкую жизнь», которая до сих пор мерещилась вочию толпе даже в декабре, на скользкой занесенной снегом панели под темным фонарем.

Немедленно, сейчас. Разве можно откладывать?

— Зачем мне свобода и равенство, и прочие радости, если меня не будет на свете, — как сказал Керенскому тот памятный солдат еще в июне.

И это не только российская мысль. Эту же саму мысль выразил гораздо рельефнее демагогический¹¹ Гейне в своем воззвании к немецкому Михелю:

Michel! Fürchte nicht und labe,

Ohne Umstand deinen Wanst!

Später liegen wir im Grabe

Wo du still verdauen kannst¹².

¹¹ Имеется в виду кличка «демагоги», которой были названы студенты немецких университетов, выступавшие с демократических позиций и считавшиеся защитниками народа. После убийства студентом К. Зандом консервативного писателя А. фон Коцебу, выступавшего против студенческих организаций, в 1819 г. в Пруссии начались преследования «демагогов».

¹² Это завершающая строфа из стихотворения Г. Гейне «Просветление» (Erleuchtung). Богораз ее, видимо, цитирует по памяти, так как в оригинале вторая строчка иная: Michel! Fürchte nichts und labe / Schon hienieden deinen Wanst, / Später liegen wir im Grabe, Wo du still verdauen kannst

«Михель, не бойся и без всяких церемоний, усладжай свое брюхо. Потом мы будем лежать в гробу, и там ты потихоньку переваришь».

Что ж, может быть, в конце концов, это заразит и немецкого Михеля. Он тоже человек, тоже двуногая скотинка, и ему тоже хочется сладенького.

[Не можем верить вульгаризованному социализму, не можем жить без социализма. Чему же и как тогда верить? В пустыню иди, интеллигенция! Спасай свою душу, как спасали святые отцы пустынножители. В пустыне создай свою новую мистическую веру. Отречемся от мира, от всякого мира, мира и старого, и нового] [18, л. 4].

На разных языках говорят между собой обе России, грамотная и безграмотная.

Грамотная Россия требует, как всегда полагалось, земных жертв во имя царствия небесного.

Безграмотная Россия, которой по преимуществу надлежит приносить эти жертвы, отказывается наотрез, противно всем прецедентам божеским и человеческим.

— Вашего Боженьку довольно я кормила, — отвечает она. — Теперь пусть он меня покормит.

Требование это весьма справедливое. Но на деле из него ничего не выходит, кроме голодного пайка, — для всех одинаково, для бывших монархистов и для будущих анархистов.

«Странствующие крысы» того же проклятого Гейне — таковы эти новые верующие толпы нового Иерусалима.

«С писком, со скрежетом зубов они подступают к нашему великому городу». «Белая гвардия хватается за оружие. Попы бьют в колокола. Крысы взяли на зуб основу государства — священную собственность»¹³.

Все это не мое. Это цитаты из Гейне.

Но если на смену нашему старому городу строится, действительно, Новый Иерусалим, то где же его пафос, где воодушевление толпы, где священный экстаз вождей и руководителей?

Ничего, кроме «странствующих крыс».

«Безмолвная треска¹⁴, тушенная в масле, нравится этим бесстыжим крысам в сто крат больше, чем речи Цицерона... и даже красноречия Гоца и Чернова»¹⁵.

И это опять из Гейне.

Я мог бы, повторяю, подобно другим уверовать в большевистского Бога, если бы он не пропах до такой степени этой грубой, материальной, в масле тушенной треской. И словно в наказание, до сих пор вся эта треска — это треска воображения. Подождем чего-нибудь более существенного.

Хорошая вещь — большевизм, а вот большевики подгуляли...

[21, S. 271]. «Михель» — распространенный среди европейцев персонифицированный образ Германии, имеющий пренебрежительный оттенок. У Г. Гейне было стихотворение «Михель после марта» о поведении немецких обывателей во время и после революции 1848 г.

¹³ Перевод отдельных строф из стихотворения Г. Гейне «Die Wanderratten» («Странствующие крысы»), 1869 г. [22, с. 182–183].

¹⁴ В немецком тексте: «Ein schweigender Stockfisch, in Butter gesotten». В русском переводе в издании 1904 г. вместо трески — ветчина [22, с. 183].

¹⁵ В. Г. Богораз при переводе позволяет себе вместо «красноречия Мирабо» («Viel besser als ein Mirabeau / Und alle Redner seit Cicero»), как у Гейне, написать — красноречие Гоца и Чернова. А. Р. Гоц (1882–1940) и В. М. Чернов (1873–1952) — лидеры партии эсеров, члены Учредительного собрания.

Литература

1. Slezkine Yu. The House of Government. A Saga of the Russian Revolution. Princeton University Press, 2017. 1128 p.
2. Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 128 с.
3. Vattimo G., Zabala S. Hermeneutic Communism: From Heidegger to Marx (Insurrections: Critical Studies in Religion, Politics, and Culture). Columbia University Press, 2014. 264 p.
4. Smith J. E. Quasi-Religions: Humanism, Marxism and Nationalism. Palgrave Macmillan, 1994. 154 p.
5. Thrower J. Marxism-Leninism as the Civil Religion of Soviet Society: God's Commissar. Edwin Mellen Print, 1992. 216 p.
6. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.
7. Фигнер В. Н. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. Т. V: Очерки, статьи, речи. 499 с.
8. Шахнович М. И. Ленин и проблемы атеизма. Критика религии в трудах В. И. Ленина. М.: АН СССР, 1961. 671 с.
9. Невский В. И. По дороге к марксизму. Предисловие / «Рабочий» — ростовский журнал 1882–1883 г. // Литературное наследство. 1932. № 2. С. 77–78.
10. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб.: Синод. тип., 1910. 267 с.
11. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб.: Синод. тип., 1887. Т. 5, ч. 1. 498 с.
12. Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 33. С. 1–120.
13. Маркс К., Энгельс. Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс. Ф. Соч. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.
14. Романов В. В. Общественно-политическая и научная деятельность В. Г. Богораза: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2006. 282 с.
15. Тан. Христос на земле. Фантазия. М.: «Народная мысль» Е. Д. Мягкова, 1906. 8 с.
16. ПФА РАН. Ф. 250. Оп. 2. № 129. Л. 1–2.
17. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
18. ПФА РАН. Ф. 250. Оп. 2. № 130. Л. 1–4.
19. Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо // Некрасов Н. А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1950. Т. 3. С. 25–178.
20. Луначарский А. В. Религия и социализм: в 2 т. СПб.: Шиповник, 1908; 1911.
21. Neue Gedichte von Heinrich Heine. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1844. 421 S.
22. Гейне Г. Полн. собр. соч. / под ред. П. Вейнберга. СПб.: Изд-во А. Ф. Маркс, 1904. Т. 6. 407 с.

Статья поступила в редакцию 19 апреля 2018 г.;
рекомендована в печать 10 мая 2018 г.

Контактная информация:

Шахнович Марианна Михайловна — д-р филос. наук, проф.; m.shakhnovich@spbu.ru

Vladimir Bogoraz on religion and Bolshevism

M. M. Shakhnovich

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Shakhnovich M. M. Vladimir Bogoraz on religion and Bolshevism. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, vol. 34, issue 3, pp. 441–453. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.311>

In 2017, Yury Slezkine's new book, "The Government House. Saga of the Russian Revolution" was published. The American professor seeks to prove, using the material of several family

histories of the Soviet party and state figures in the 1920s–1930s, that Marxism and its Russian form of Bolshevism represented a religious soteriological doctrine that was characterized by actual eschatology and the expectation of immediate salvation. He believes that Marxism as an ideology and Bolshevism as its practical implementation have the features characteristic to a new religious movement of chiliastic type: the presence of a charismatic leader and rallying around him, membership based on personal treatment, hatred of the world around full of vices, the cult of sacrifice. The author of the presented article believes that this point of view is by no means new and existed at the beginning of the 20th century. The article shows that even the revolutionary democrats brought together the evangelical and revolutionary doctrine. However, they were not interested in chiliastic aspirations in the New Testament, but they were interested in denouncing those in power, exposing injustice and lawlessness, protecting the poor and oppressed, and sacrificing themselves in order to overcome the suffering of others. The article briefly examines the positions of various figures of the Russian Social-Democracy regarding the conjugation of Christianity and socialism. The article shows that the well-known ethnographer and historian of religion Vladimir Bogoraz (Tan), who actively participated in the Russian revolutionary movement, not only used the reinterpreted New Testament images and ideas in his literary work but also considered the problem of the correlation of Bolshevism and religion in political and historical aspects. The author shows that one may see a certain similarity in some evaluations of Bolshevism as a religious doctrine in V. Bogoraz and N. Berdyaev. In conclusion, the text of the article by Bogoraz (Tan) “Bolshevism as a Religion” with comments is given.

Keywords: religion, Christianity, socialism, Bolshevism, Vladimir Bogoraz.

References

1. Slezkine Yu. *The House of Government. A Saga of the Russian Revolution*. Princeton University Press, 2017. 1128 p.
2. Ryklin M. *Kommunizm kak religii: Intellektualy i Oktiabr'skaia revoliutsiia* [Communism as a Religion: Intellectuals and the October Revolution]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 128 p. (In Russian)
3. Vattimo G., Zabala S. *Hermeneutic Communism: From Heidegger to Marx (Insurrections: Critical Studies in Religion, Politics, and Culture)*. Columbia University Press, 2014. 264 p.
4. Smith J. E. *Quasi-Religions: Humanism, Marxism and Nationalism*, Palgrave Macmillan, 1994. 154 p.
5. Thrower, J. *Marxism-Leninism as the Civil Religion of Soviet Society: God's Commissar*, Edwin Mellen Print, 1992. 216 p.
6. Berdyaev N. A. *Tsarstvo Dukha i tsarstvo kesaria* [The kingdom of the Spirit and the kingdom of Caesar]. Moscow, Respublika, 1995. 383 p. (In Russian)
7. Figner V. N. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full collection of writings]. Vol. V, Essays, articles, speeches. Moscow, Izd-vo Vsesoiuz. o-va politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1932. 499 p. (In Russian)
8. Shakhnovich M. I. *Lenin i problemy ateizma. Kritika religii v trudakh V. I. Lenina* [Lenin and the problems of atheism. Criticism of religion in the writings of V. I. Lenin]. Moscow, AN SSSR, 1961. 671 p. (In Russian)
9. Nevskii V. I. Po doroge k marksizmu. Predislovie. «Rabochii» — rostovskii zhurnal 1882–1883 g. [On the road to Marxism. Foreword. “Worker” — Rostov magazine in 1882–1883]. *Literaturnoe nasledstvo*, 1932, no. 2, pp. 77–78. (In Russian)
10. *Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Sviateishogo Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniia za 1905–1907 gody* [The most outstanding report of the Chief Procurator of the Holy Synod on the Office of the Orthodox Confession for 1905–1907]. St. Petersburg, Sinod. tip., 1910. 267 p. (In Russian)
11. *Sobranie mnenii i otzyvov Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo, po uchebnym i tserkovo-gosudarstvennym voprosam* [Collection of opinions and comments of Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna, on educational and church-state issues]. Vol. 5, pt. 1. St. Petersburg, Sinod. tip., 1887. 498 p. (In Russian)
12. Lenin V. I. Gosudarstvo i revoliutsiia [The State and Revolution]. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.* [Full composition of writings], 5th ed. Vol. 33. Moscow, Politizdat, 1969, pp. 1–120. (In Russian)
13. Marx K., Engels F. Manifest kommunisticheskoi partii [Manifesto of the Communist Party]. Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Creative works]. Vol. 4. Moscow, Gospolitizdat, 1955, pp. 419–459. (In Russian)

14. Romanov V. V. *Obshchestvenno-politicheskaia i nauchnaia deiatel'nost' V. G. Bogoraza* [Socio-political and scientific activities of V. G. Bogoraz], Thesis for the candidate of historical sciences. Orel, 2006. 282 p. (In Russian)
15. Tan. *Khristos na zemle. Fantaziia* [Christ on Earth. Fantasy]. Moscow, "Narodnaia mysl'" E. D. Miagkova, 1906. 8 p. (In Russian)
16. PFA RAN, f. 250, op. 2, no. 129, pp. 1–2. (In Russian)
17. Berdyaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow, Nauka, 1990. 224 p. (In Russian)
18. PFA RAN, f. 250, op. 2, no. 130, pp. 1–4. (In Russian)
19. Nekrasov N. A. Komu na Rusi zhit' khorosho [To whom is to live well in Russia]. Nekrasov N. A. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Vol. 3. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1950, pp. 25–178. (In Russian)
20. Lunacharskii A. V. *Religiia i sotsializm* [Religion and socialism], in 2 vols. St. Petersburg, Shipovnik, 1908; 1911. (In Russian)
21. *Neue Gedichte von Heinrich Heine*, Hamburg: Hoffmann und Campe, 1844. 421 p. (In German)
22. Heine H. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full collection of writings], ed. P. Weinberg. Vol. 6. St. Petersburg, Izd-vo A. F. Marks, 1904. 407 p. (In Russian)

Author's information:

Marianna M. Shakhnovich — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; m.shakhnovich@spbu.ru